

Нана Рай

**ГДЕ
РОЖДАЕТСЯ
МЕСТЬ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р18

Ответственный редактор *Екатерина Тёрина*

Дизайн обложки *Екатерины Петровой*

Иллюстрация *Екатерины Петровой и Алексея Гаретова*

Во внутреннем дизайне использован элемент оформления:
© tahir pro / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Рай, Нана.
Р18 Где рождается месть : роман / Нана Рай. — Москва :
Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-216701-0

Популярный видеоблогер Владлен Бессонов, известный под псевдонимом Цепеш, покориł тысячи сердец, но Элина пришла к нему совсем не как фанатка. Она обманом пробирается на литературное шоу Цепеша «Альтер Эго», скрывая настоящую цель — добиться его признания в убийстве ее сестры.

Но чем глубже она погружается в игру, тем больше понимает: Цепеш — не просто звезда. За его улыбкой скрывается беспросветная тьма, в которой правда опаснее любой лжи.

В этом мире каждый играет свою роль, но кто окажется охотником, а кто жертвой?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-216701-0

© Рай Н., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НА СТРАНИЦАХ ПРОШЛОГО

ПРОЛОГ ОГНИ ФАР

«Сдохни, тварь».

Музыка грохочет так, что битом прошибает стены туалета, но не может заглушить голос, разъедающий мозг. Варя сползает вниз по стене, и белые квадраты плитки с подсветкой пляшут перед глазами. Девушка стоит, изо всех сил сжимая голову пальцами, словно пытаясь залезть внутрь черепа и вытащить оттуда мерзкий голос.

«Сдохни, тварь. Сдохни...»

Воняет отвратно. Кто-то в ночном клубе перепил и не сумел донести содержимое желудка до унитаза. По полу стелется белесый туман, который проникает с танцпола сквозь щель под дверь. Варя пытается оттолкнуть его ногами, а страх нашептывает: *«Он пришел за тобой»*. Слезы бегут по щекам. Дыхание сбивается. Пульс зашкаливает.

Не выдержав, Варя перекидывает через плечо серебристый клатч и, опираясь на стену, встает. Выходит в коридор, а оттуда попадает в калейдоскоп красок и толпу, которая бьется в экстазе, позабыв про ритм. Варя пытается вспомнить, как вообще оказалась здесь, но последний час будто стерся из памяти. Вырван с корнем.

«Сдохни, сдохни, сдохни...»

Она хватается за голову и кричит, но ее никто не слышит. Какой-то тучный парень задевает ее плечом, и Варя падает в живое море из тел. Обоняние обостряется, улавливая яркие запахи дешевых духов вперемешку с алкоголем и потом. Она зажимает ладонью рот и пробирается через танцпол в сторону черного хода, над которым зелеными буквами горит «EXIT».

Варя валится на двери и оказывается в переулке между зданиями. Грохот басов остается за стенами клуба. А ее охватывает минутное облегчение.

«Сдохни, тварь!»

В тишине голос звучит еще резче и злее. Варя вздрагивает, нервно выдыхает. Она бежит к дороге, но колени то и дело подгибаются. Стук спинок разносится по округе. Перед глазами все плывет и сливается в единую массу. Мир вертится вокруг Вари, как карусель, с каждой секундой все быстрее, быстрее. Она замирает на месте, дрожащими пальцами достает из клатча розовый смартфон. Заходит в список контактов и щурится, силясь рассмотреть. Последний значится как Бессонов В.

Варя не успевает нажать на вызов. Гудок и визг шин рассекают воздух — и она видит ослепительный свет фар.

«Сдохни, тварь» — последнее, что она слышит.

Глава 1

ЗА УЛЫБКОЙ ПРЯЧЕТСЯ СТРАХ

Бессонная ночь играет на нервах, как пьяный гитарист на балалайке. Вроде знакомо, вроде похоже, но так немело, что слух режет. Правда, за семь часов в пути Элина почти убедила себя, что не боится поездов. И заработала мигрень.

Она выходит в узкий коридор, который быстро заполняется людьми. Каждый норовит перекричать другого, сонные дети цепляются за родителей, к окну прижимается хмурый дед, и от его пиджака за километр несет куревом. Элина отмечает детали на автомате, как робот. Но желание одно — сбежать из поезда, иначе сердце разорвется от страха.

— Девушка, не толкайтесь! — капризно восклицает женщина, когда Элина вытаскивает из купе маленький чемодан на колесиках. И она даже ответить не может: пересохшие губы слиплись, а в голове лишь белый шум.

Незнакомка напоминает грозное облако. В ее больших очках Элина видит свое отражение. Прическа сбилась в вислые пряди, лицо осунулось. Да и от одежды веет колхозом — рваные джинсы, полосатая майка. Пришлось так одеться, чтобы не привлекать лишнего внимания. Но внешность — ее козырь, она не может его потерять, иначе весь план лопнет по швам, как сумка, набитая хламом.

Элина отворачивается и проталкивается к выходу, а стук сердца вторит каждому шагу.

«Быстрее, быстрее...» — подгоняет она себя и чуть ли не кубарем летит со ступенек на перрон. Колесики чемодана натужно скрипят, когда Элина опирается на него, чтобы удержать равновесие. Душное марево июньского полудня ловит ее в свои объятия. Даже в бане не так жарко. Одежда мгновенно прилипает к телу, а бледную кожу нещадно палит солнце. Окружающий мир замедляется, звуки сплетаются в гудящую какофонию. Паника! Только так можно объяснить это лихорадочное сердцебиение.

Вдох, выдох...

«Надо отойти подальше от поезда, и все будет хорошо».

Вдох, выдох.

— Вам плохо? — К ней подходит молодой проводник в темно-синей форме, гладко выбритый и угловатый, как подросток.

Элина только качает головой и с трудом выпрямляется. Взгляд фокусируется на голубом здании Рижского вокзала. Причудливое, с арочными окнами, оно абсолютно не вписывается в современность, словно переместилось сюда из романа о барышнях из позапрошлого века. Людской поток течет между Элиной и зданием, но она упрямо проталкивается вперед, и лишь когда стены отрезают ее от гудящего поезда, мысли начинают выстраиваться в подобие рациональной цепочки.

Половина одиннадцатого утра. У нее в запасе полчаса, чтобы привести себя в порядок и добраться до универмага «Крестовский» возле станции метро Рижская. Опоздать она не имеет права.

Элина направляется к туалету, к которому выстроилась длинная очередь, и становится в самый конец. Нервно переминается с ноги на ногу, тяжело вздыхает. И тут же резко сгибается:

— Простите, — морщится она, руками хватаясь за живот. — Можно мне вне очереди? Очень надо.

Капельки пота скатываются по вискам. Имитировать боль не приходится, она и правда чувствует себя разбитым бокалом. Мигрень расплзается от висков к затылку, так что перед глазами пляшут оранжевые круги. Женщины испуганно теснятся, пропуская ее. Дрожащими пальцами она вытаскивает из кошелька плату за туалет и сыплет мелочь кассирше, а потом спешно закрывается в кабинке. В чемодане отыскивает обезболивающее и с трудом глотает без воды. Скоро должно стать легче...

Когда Элина выходит из туалета, от забитой девочки из провинции не остается и следа. Женщины оборачиваются вслед, чтобы завистливо оценить фигуру.

Элина знает себе цену. А также цену своей поездки в Москву.

Несколько дней назад

«Красивые, молодые, талантливые? Если вы подходите под это описание, смело присылайте свою анкету и рукопись на почту, указанную под видео. Шанс стать участником моего шоу “Альтер Эго” есть у каждого начинающего писателя! Но только десять, запомните, только ДЕСЯТЬ из вас смогут воплотить мечту в реальность. Дерзайте! Я жду ваших писем, ребята. С вами был Цепеш».

Элина нажимает на паузу, и на экране застывает улыбка Владлена Бессонова — видеоблогера Цепеша. За два месяца этот ролик набрал почти десять миллионов просмотров.

Она задумчиво склоняет голову набок, разглядывая лицо мужчины. Слишком красивый. Миллионная аудитория его подписчиков только лишний раз это доказывает. Наверное, родители Владлена приплатили Богу, и тот создал их сына идеальным. Черные густые волосы, гипнотизирующие глаза цвета морской воды, точеные губы, открывающие в улыбке белоснежные зубы. Черт! Она могла бы нарисовать его внешность с закрытыми глазами. И хоть бы раз наткнулась на малейшее несовершенство. Даже кубики пресса на животе Цепеша настоящие!

Она с раздражением захлопывает крышку старого ноутбука. Спокойно, спокойно. Красота Цепеша ей только на руку. Такие, как он, любят окружать себя прекрасным,

а значит, ее внешность впервые пригодится. Элина крутится в кресле и замирает напротив зеркала. Ухмылка кривит губы.

Дверь без стука распахивается, и на пороге замирает мама. Она, как всегда, хмурится, складка между бровями не разглаживается даже во сне. Тонкие губы почти незаметны, а некогда красивые карие глаза теперь блеклые и невзрачные. Поверх растянутого свитера и застиранных джинсов надет фартук с полинявшими тюльпанами, который мама нервно комкает.

— Ну, ничего не хочешь мне сказать, Эля?

Элина поджимает губы и встает с крутящегося стула. В спальне три на три метра не может находиться больше одного человека, иначе воздух иссякнет за минуту. А если второй человек — мама, то она умудряется выжечь весь кислород первой же фразой.

— Не-а, — вяло отвечает Элина и открывает форточку.

За окном поют птицы и разгорается лето. А в их квартире стоит вечная зима.

— Люськина дочка сказала, что ты собираешься участвовать в каком-то конкурсе! Для писателей! — Мама скрещивает на груди руки и выглядит при этом весьма угрожающе. Палач с топором не так страшен, как она.

Элина морщится. Удружила Танька. Знает же, что мама ненавидит литературу и все, что с ней связано.

— Я уже участвую. — Элина достает из-под кровати старый потрепанный чемодан. На нем еще даже держатся колесики. — Вчера огласили предварительный список участников шоу «Альтер Эго», я прошла. Можешь меня поздравить, — тускло объявляет она.

— Ты что, пишешь?! — Мама хватается за сердце и приваливается плечом к дверному косяку. — Хочешь закончить, как твой отец? Он тоже писал эти свои *романы*, и где теперь? Спился, алкаш чертов!

Когда-то Тамара Михайловна была очень красивой женщиной. Это сейчас располнела, махнула на себя рукой и выглядит намного старше своего возраста. Никто не даст ей сорок один год. Жизнь успела поставить на ней жирный штамп — «отработанный материал».

— Тебе станет легче, если я скажу, что не пишу?

— Да, намного легче, — выдыхает мама. — Не хватало еще, чтобы в тебе проявились гнилые гены отца — недописателя, недочеловека... — Она устало садится на стул, и тот протяжно скрипит под ее весом. — Ты, конечно, вся в него, но все же в тебе есть и кое-что от меня. Здравый смысл. Ты всегда знала, где твое место, а не предавалась мечтам, как этот алкоголик.

Каждое упоминание отца пропитано ядом.

— Возрадуйся, я избежала этой участи.

— Но как ты тогда прошла? Это ведь конкурс для писателей, разве нет? — недоверчиво уточняет мама.

Элина открывает покосившуюся дверцу шкафа и сгребает в кучу немногочисленную одежду.

— Верно, — отвечает она и аккуратно складывает вещи в чемодан. На секунду задерживает дыхание, потому что знает, что последует за ее словами: — Я послала рассказ Ливии. Она написала его перед смертью, и он понравился жюри. Так что можешь ею гордиться.

В воздухе повисает тишина, такая гнетущая, что от напряжения сердце колотится, как сумасшедшее. Элина оборачивается к матери, удивленная молчанием. Та едва сидит, вцепившись одной рукой в подлокотник, а другой зажимая себе рот. Бледная, растрепанная, темные волосы выбились из пучка, а глаза... Элина поспешно отводит взгляд, лишь бы не видеть застывшую в них боль.

— Не верю, — наконец шипит мама. — Ливия не могла заниматься подобной дурью. Она была умной девочкой!

— Да. А я тупая, мама, — спокойно отвечает Элина, хотя ее потряхивает от злости. — Знаю, Бог оставил тебе в живых не ту дочь. Школу я еле окончила, в универ не пошла, работаю официанткой. Ужас! Так что радуйся: я уезжаю в Москву и сюда возвращаться не собираюсь. Вам с Игорем будет замечательно без меня. А в моей комнате сможете поставить алтарь для поклонения Ливии.

— Не смей, не смей так говорить! Ты никуда не поедешь. — Мать порывисто вскакивает и подходит к Элине, замерев напротив нее.

Они смотрят друг другу в глаза. Молодой, горящий жизнью взгляд против потухшего и усталого.

— Ты забыла, мама. Мне уже восемнадцать, и я совершеннолетняя. Ты не имеешь права удерживать меня насильно. — Краем глаза Элина замечает, как рука матери судорожно сжимается в кулак, и усмехается: — Что, хочешь ударить меня? Давай, влепи пощечину, и разойдемся.

— Не глупи. Куда ты поедешь? На какой-то непонятный конкурс? Да тебя в бордель продадут, и поминай как звали!

— Спасибо за поддержку, ма. — Элина захлопывает чемодан и садится на кровать. Одна из пружин впивается в бедро даже сквозь покрывало. — Я все равно поеду. Лучше в проститутки, чем прозябать здесь. И это шоу будут показывать в соцсетях, поэтому если ты и правда беспокоишься за меня, то можешь попросить Таньку, она покажет тебе мои успехи.

Мама? Переживает? За нее? Скорее Ливия воскреснет, чем это произойдет.

— Я не собираюсь смотреть хоть что-то, связанное с чертовыми книгами. На собственной шкуре убедилась, что от них добра не дождешься. Твой отец мечтал стать великим писателем, а когда не получилось, утонул в бу-

● — тылке. А семью кормить кто будет? Посмотрела бы я на тебя, останься ты одна с двумя маленькими детьми на руках! — Мама смаргивает слезы застарелой обиды. — И если ты уедешь, я даже не позвоню тебе! Ни разу! И вообще, не будет у меня больше дочери!

— Я. Поеду.

Элина не отрывает взгляда от своих стиснутых на коленях кулаков. Душит сомнения в самом зародыше. В голове всплывает воспоминание, исполосованное временем и болью. Вот она стоит на могиле сестры. Невыносимо душно, невыносимо тошно. У нее отобрали самое дорогое...

— И все же ты дочь своего отца, — с горечью шепчет мама. — Зря только учителя трещали без умолку: одаренная, одаренная. А на деле глупая девчонка. Думаешь, Москва ждет тебя и преподнесет все на блюдечке? Да она жирует слабаков! — Она вздыхает, так тяжело, словно говорит с недоразвитым человеком. — Ливия была умнее.

Лучше бы мать ее ударила.

— Знаю, мама. А еще она была похожа на тебя, и поэтому ты ее любила. Вот только Ливия не забывала делиться любовью со мной. Но теперь ее нет, и я больше никому не нужна. А человек, виновный в ее гибели, жив, и я не позволю ему остаться безнаказанным. — Элина набирается смелости взглянуть на маму и видит усталость, которая залегла в морщинках вокруг ее глаз.

Она фыркает и обреченно качает головой:

— Так вот где собака зарыта. Конкурсы, Москва... Теперь все ясно. Опять эти твои домыслы, Эля. Они не доведут тебя до добра.

— Добро — понятие относительное.

Мама молчит, а потом выходит из комнаты, забирая с собой ворох невысказанных слов. Элина с обидой смотрит на открытую дверь, будто это ее вина, что они с ма-

терью — чужие друг другу люди. Единственным, что их роднило раньше, была Ливия.

Но три года назад со смертью сестры распалась и семья.

Москва — город-гигант, готовый раздавить каждого, кто проявит видимую слабость. Поэтому Элина заталкивает дрожь вглубь себя и прячет расширенные от страха зрачки за солнцезащитными очками. Шум мегаполиса накрывает гудящую после бессонной ночи голову куполом, и все звуки сливаются в монотонный рокот.

Она видит зеленый сигнал светофора и смешивается с толпой пешеходов. Путь от вокзала до парковки возле универмага занимает не более пяти минут, но в босоножках с высоким каблуком, на которые Элина копила два месяца, она идет все пятнадцать и едва успевает к тому моменту, как двери автобуса начинают закрываться.

— Стойте!

Она машет рукой, и плетеный золотой браслет — единственное украшение, не считая маленьких звездочек в ушах, — сверкает на солнце.

— Ага, наша участница под номером три!

Из автобуса выпрыгивает молодой парень, высокий, спортивный, в мятой рубашке цвета ядовитого лайма. В ушах у него черные тоннели, а волосы выкрашены в сливочный блонд и торчат задорным ежиком.

— Мы уже отчаялись тебя дождаться.

Элина останавливается и переводит дыхание.

— Знаете, как тяжело ходить на каблуках? — смеется она и кокетливо проводит рукой по белому узкому платью, облегаящему ее тело до колен.

Парень оценивающе рассматривает Элину, и та снимает очки, чтобы поймать его взгляд.

— Ты стоила того, чтобы ждать. Меня зовут...

— Максимилиан. Я смотрю блог Цепеша, — мягко перебивает его Элина. — И не могу не знать его правую руку.

— Тогда просто Макс. — Он забирает у нее чемодан и швыряет в багажное отделение.

Элина сохраняет на лице безмятежную улыбку, но зубы скрипят от его бесцеремонности.

— Забирайся. Мы едем на турбазу — следующий месяц проведем на природе.

— Какая прелесть. — И Элина поднимается в автобус, опираясь на руку Макса.

Мельком она оглядывает настроенных участников шоу и садится на свободное место возле окна. Сейчас она не горит желанием знакомиться и искать друзей. Элина достает из сумочки маленькое зеркальце и разглядывает подведенные стрелками карие, почти шоколадные глаза. Поправляет удлиненное спереди каре. Она долго думала, оставлять ли естественный цвет, но в итоге решила, что кареглазая брюнетка выглядит ярче. А яркость — именно то, что ей сейчас нужно.

— Ребята! — Макс стоит посреди прохода, широко расставив ноги. — Нам ехать часа два, не меньше, поэтому можете расслабиться. Примерно за полчаса до приезда я расскажу, что вас сегодня ожидает, а пока отдохайте и кайфуйте от мысли, что вы — участники шоу Цепеша! И-ха! — издает он боевой клич, который все тут же подхватывают.

По автобусу разносится смех.

Элина прячет зеркальце и слышит позади себя девичий шепот:

— Боже, сегодня мы увидим Цепеша! Ты веришь?

— Говорят, если девушка талантливо пишет, то он обязательно пригласит ее на свидание.